

С. В. ГОЛИКОВА

ПОЛТОРА ВЕКА СЕЛЬСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ ВЗГЛЯД ИСТОРИКА¹

Рецензируемая книга – первое комплексное исследование распространения урбанизационного процесса на сельскую местность такого крупного региона как Урал.

Ключевые слова: Урал, сельская местность, урбанизация, модернизация.

Монография Людмилы Николаевны Мазур – грандиозная по замыслу и очень современная по содержанию и форме работа, при чтении которой выясняется, что изучать объект, через его противоположность – а дихотомия город-деревня привычна для восприятия – занятие творческое, плодотворное и поучительное. «Сложная диалектика взаимодействия города и села в условиях урбанизации пока слабо раскрыта в литературе и выступает в качестве основного объекта исследования в представленной монографии», – заявляет автор (с. 6). Изучение деревни опиралось на «историографическую традицию, как правило, не связанную с пониманием её в контексте урбанизации». Отсюда понятна стратегическая линия исследования – рассматривать урбанизацию не «как внешний фактор перестройки сельской местности», но «как основной её смысл»: «Урбанизация, а не социализм способствуют формированию гомогенного общества, снимая различия между городом и деревней в информационном и социокультурном планах, но одновременно сохраняя вариативность жизненных укладов, открывая новые возможности и перспективы горизонтальной мобильности» (с. 12-13). Систематизация знаний под новым углом зрения – ведь о деревне и урбанизации издано огромное количество исторической литературы – приводит к массе новых ассоциативных связей, поэтому обобщающий характер монографии способствует не просто систематизации, а значительному приращению нового знания.

Обобщающий характер монографии проявляется уже на уровне постановки задач: выделить и обосновать хронологические рамки, этапы и итоги переустройства российской деревни; обосновать уровни урбанизации и их критерии, изучить исторические модели (типы) сельской урбанизации, выделить основные каналы формирования новой социокуль-

---

¹ Рец. на кн.: Мазур Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX в.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. 472 с.

турной среды, изучить основные механизмы раскрестьянивания, образ жизни и т.п. (с. 17). Изложение материала в главах также нацелено на обобщение и идёт не от конкретного к абстрактному, не от частного к общему, как это принято в конкретно-историческом исследовании, а наоборот – сначала следует теоретико-методологический анализ проблемы, затем - проекция общих подходов на региональный материал. Схема хорошо видна по названиям параграфов первой главы: особенности российской урбанизации (макроуровень) – региональные модели урбанизации (мезоуровень)- отражение процессов урбанизации в топонимике (микроуровень). Временами автор усложняет логику, в полной мере владея сопряжением разнообразных уровней и ракурсов исследования.

Междисциплинарный характер исследования вытекает из формулировки цели, но ею не исчерпывается: поставленная проблема оказывается вписанной во множество концептуальных контекстов, позволяющих по новому оценить судьбу сельской России XX века (например, с. 14-17). Последовательное прохождение разнообразных контекстов помогает организовать выпуклое, многомерное, панорамное восприятие объекта изучения, которое хорошо видно уже из структуры работы: первая глава посвящена диалектике взаимодействия модернизации и сельской урбанизации, вторая – территориальным перемещениям сельского населения, третья – роли государства в преобразовании села. Последние три главы разбирают урбанизм как особое социокультурное явление: в четвёртой главе изучается модернизация условий жизни сельского населения, в пятой – трансформация культурного облика деревни, в шестой – эволюция деревенского образа жизни. В книге процессы урбанизации предстают более сложным, чем принято считать, явлением, - они «приводят к принципиальным изменениям в структуре занятости, образе жизни, характере социальных связей. Важным следствием урбанизации стало формирование новой системы социокультурных отношений, отличных от традиционных (общинных, сословных) и ориентированных на самостоятельную личность – индивидуума, права и интересы которого становятся приоритетными» (с. 21).

Вопреки прогнозам сельская местность не исчезла и не была «поглощена» городом, оказалась не инертным, а способным к изменению и развитию явлением. В XIX в. село, как и город, активно развивалось, о чём свидетельствует рост поселенческой сети и плотности заселения. Динамичное XX столетие привело к тому, что «деревня начала XXI в., несмотря на узнаваемость и сохранение многих традиционных черт, представляет собой совершенно новое явление. Она отличается от сел конца XIX в. по внешнему облику, уровню благоустройства, общему

строю жизни» (с. 18). Сельская местность развивалась сама и посредством собственных ресурсов, а не тянула их со своего визави. Хищническое же отношение города к аграрной сфере стало возможно потому, что она рассматривалась как оплот «...хозяйственной и культурной отсталости». По мнению автора, основная проблема российской деревни коренится в отказе признать её право на самобытное существование (с. 63) и квалифицировать её опыт как ненормальный, тупиковый путь развития. Превратившись в основной источник средств и ресурсов для форсированной индустриализации и городского развития, сельская местность, в конце концов, утратила внутренние резервы и силы для модернизации.

Автор указывает, что периодизация урбанизации производилась без учёта вовлечённости в эти процессы сельской местности и ликвидирует эту лакуну. Сопоставление этапов общероссийской и сельской урбанизации (в замечательных таблицах на с. 41–44) позволило сделать вывод о «догоняющем» характере урбанизации на селе – она началась позднее, но происходила более высокими темпами и в чрезвычайно сжатые сроки. Основные этапы этого процесса хорошо видны на примере эволюции поселений. На традиционной основе, – пытаясь равномерно охватить сельскохозяйственные территории – сельская поселенческая сеть позитивно развивалась до 1940-х гг. (с. 46–47), в 1960–1970-е гг. процессы концентрации и сокращения этой сети принимают гипертрофированный характер, приводя к прогрессирующему обезлюдению (с. 53), в 1960–1980-е гг. благодаря её сжатию и измельчанию, стягиванию в пригородные зоны, сельское расселение из равномерного трансформируется в очаговое, совпадающее по своей конфигурации с городской сетью и транспортными линиями (с. 55). Подгонка под город – сселение «неперспективных деревень» и свёртывание сельской поселенческой сети, в свою очередь, наносило удар по сельскохозяйственному производству и крестьянскому миру (с. 56). «К 1990-м гг. достигается уже необходимая синхронизация процессов урбанизации – интегрированная стадия расселения, в рамках которой город и село рассматриваются не с позиций противопоставления, а как две подсистемы, дополняющие друг друга» (с. 38). Современная деревня включена в общую инфраструктуру территории (транспортную, социально-бытовую, культурно-административную), без которой её существование ставится под угрозу (с. 61).

В монографии ставятся и занимают значительное место проблемы характера и направления урбанизационных процессов. Автор считает, что в дореволюционный период при их осуществлении ориентировались на постепенное внедрение, приспособление к традиционным фор-

мам жизнедеятельности. Этот путь исключал насильственную ломку. Затем возобладала идеология кардинальной перестройки, «большого скачка», культурной революции, сопровождаемых централизацией, унификацией, жёстким государственным контролем. В качестве основной использовалась идеология сближения города и деревни.

Процессы урбанизации на всех уровнях подтолкнула ускоренная индустриализация. На этапе 1930–1950-х гг. важным фактором стало развитие системы коммуникаций, обеспечивающей доступность, управляемость и контролируемость сельской местности, включение деревни в зону влияния города-государства, потерю автономии, столь характерной для села ранее (с. 50-51). В послевоенный период к коммуникационному фактору присоединился информационный. В это же время «внешнее раскрестьянивание», наиболее интенсивное в промышленных регионах, сформировало структуру населения, свойственную индустриальному обществу. В 1980-е гг. поменялся базовый элемент сельского образа жизни – крестьянское подворье стало приусадебным (приквартирным) хозяйством (с. 57). Интегративным показателем эффекта урбанизации, по мнению автора, следует считать изменения образа жизни сельского населения: от традиционного к колхозно-совхозному, сельско-урбанизованному – до урбанизованного.

Анализ роли государства начинается с самой общей его компетенции – реформ, основными инструментами которых стали директивное планирование, разработка нормативных документов, обязательных для исполнения, жёсткое регулирование капиталовложений (с. 192). Стремления реформаторов к интенсификации сельского производства достигнуть не удалось, однако социальный эффект концентрации сельскохозяйственного производства и интеграции его с промышленностью проявился в концентрации сельского расселения и трансформации его в агропромышленное (с. 175). Хотя объектом управления выступала производственная сфера, а не собственно поселенческая сеть, последняя оказалась в фокусе политических решений, для проведения которых власти пытались в качестве экспертов привлечь архитекторов и учёных. Однако представление специалистов об особенностях и закономерностях развития такого сложного объекта исследования как система расселения зачастую страдали умозрительностью. Образцово-показательная деревенская жизнь, на примере которой должны были учиться многочисленные посетители выставок (лучший пример – ВДНХ), заметно отличалась от реальной (с. 188). Базовым принципом преобразования деревни в социалистический рай признавалось только индустриальное строительство

(с. 199), лишь в 1980-е гг. стало понятно, что сельская система расселения соответствует территориальной структуре агрокультурного ландшафта и не требует однозначной перестройки (с. 214). Более адекватно проблемы советской деревни оказались представлены в кино, которое отражало и то, что было не слышно в грохоте великих строек (с. 231). Хотя и оно не избежало «вторичной мифологизации и идеализации деревни» (с. 234), поскольку «урбанизация образа жизни оказалась более очевидным явлением, чем это подчас хотели видеть приверженцы деревни и деревенского образа жизни». По мнению автора, отрицать происходящие перемены неразумно, важно понять и попытаться сделать переход безболезненным (с. 236). Наблюдение историка о том, что в основе так называемого «деревенского кино» лежит болезненная трансформация, как нам кажется, будет весьма любопытно для киноведов. И таких находок в работе много.

Модернизация условий жизни в четвёртой главе продолжает тему об эволюции архитектурного облика сельских поселений, проделавшего путь от проектов многоэтажного агрогорода (в качестве противовеса усадьбе – оплоту крестьянского индивидуализма) до коттеджного посёлка. Анализируя изменения жизненных условий, автор выбирает явления, в которых как в фокусе отражается суть вопроса. Так, советский опыт благоустройства сельской местности по существу свёлся к проводившимся по этому поводу кампаниям, которые и стали предметом скрупулёзного исследования. Однако главное в этой главе – опыт создания инфраструктуры, сначала на примере становления новой для сельской экономики строительной отрасли (технологии и материалы для массового строительства) электрической энергии преобразовало не только сельское производство, но и быт. Его можно рассматривать как революцию, результатом которой стало формирование современной цивилизации: изменение технологии жизнеобеспечения, смена биоритмов жизни человека, ранее связанных с природными циклами дня и ночи (с. 299).

Зарождение современной социально-культурной среды деревни началось с появления культурно-просветительных, медицинских, торговых, бытовых учреждений, не свойственных традиционному обществу. Признаком же начавшейся урбанизации, во многом определяющим её темпы и характер, стало образование. В советское время школа была превращена в форпост социалистической идеологии в деревне, а сельский учитель – в ключевую фигуру агитации. Вплоть до 1940-х гг. учебное заведение оставалось культурным центром деревни, выпол-

нявшим вместе с образовательными просветительские, организационно-культурные, политико-идеологические функции (с. 322). Переход к всеобщему семилетнему образованию ознаменовал начало оптимизации, централизации, унификации и сокращения школьной сети. Будучи социальным механизмом урбанизации, образование сближало городской и сельский социумы, осуществляло перенос культурных ценностей и формирование на этой основе более однородной социальной общности (с. 317-318). Однако сельское образование проигрывало городскому. К тому же, формируя установки на городской образ жизни, школа подспудно готовила своих выпускников к отъезду из деревни.

Аналогичный путь проделали библиотеки и клубы – минимальный стандарт культурной жизни деревни. После революции их централизовали, сделав важным инструментом воспитания и перевоспитания крестьянства, постепенно вводя нормативы обслуживания, шефство художественной интеллигенции, приезжавшей с концертами, спектаклями, беседами, лекциями. Прообразом клубов, которые только в 1930-е гг. стали самостоятельными учреждениями, оказались избы-читальни. Перемещение культурного центра деревни в клуб произошло с началом строительства для них специальных зданий. Выработка новых стандартов культурного поведения и потребления, превращение их в элемент сельской повседневности к 1970-м годам обернулась проблемой доступности объектов сельской культуры. Противоречия между культурными потребностями и возможностями их удовлетворения сказались на оттоке населения и деградации деревенского образа жизни (с. 350).

На протяжении многих глав автор обращается к изучению информационного фактора. Указывается, что начальные этапы проникновения урбанистического начала в деревенскую среду имеют «чисто информационную природу» (с. 301). Таким образом, «информация – сугубо городское понятие» переносится на сельскую местность. Информационный фактор способствовал преодолению культурной изоляции деревни и включению её в зону влияния массовой культуры (с. 54). Формирование новой коммуникационной среды включало три сегмента: транспортный, затем информационный (почта, телеграф, телефон и т.д.) и культурный. Важнейшими информационными каналами, распространявшими новые модели, нормы, ценности, стали школы, библиотеки и клубы. В этом же ракурсе рассматривается превращение чтения в привычный элемент быта, а радио в 1950-е гг. – в привычный элемент информационной среды. Справедливо отмечается, что эффективность информации определялась её доступностью, в повышении которой большую роль сыграла электри-

фикация. Благодаря ей выросло число информационных каналов (в 1960–1980-е гг. важнейшими из них становятся кино и телевидение).

Впечатляет стремление автора последовательно заканчивать разделы обращением к событиям текущей жизни, которую историки, как правило, исключают из анализа. Вовлечённость в исследование едва намечившихся тенденций и трендов позволяет прекрасно передать процессуальность и незавершенность урбанизации, неочевидность её направления. Читателю предлагается в полном смысле слова когнитивная – познавательная, аналитическая – история. На примере актуальной и сложной проблемы – преодоления противопоставления двух качественно отличных состояний города и деревни – показывается органическое взаимодействие наработок многих научных дисциплин в междисциплинарном изучении урбанизма в России, разные призмы исследовательской оптики, различные языки описания, приёмы концептуализации, анализа и систематизации данных. Следует отметить и стиль изложения: текст читается как актуальная публицистика.

БИБЛИОГРАФИЯ

Мазур Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX в.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. 472 с.

Голикова Светлана Викторовна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН; *avokilog@mail.ru*.